

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В третье тысячелетие Центральная Азия вступила в ситуации нарастающей неопределенности. Парадоксально, но после десяти лет независимого развития степень неопределенности относительно перспектив всех центральноазиатских стран не ниже, если не выше, чем на рубеже 80-90-х гг. XX в., когда все они начали конституироваться в качестве самостоятельных государств.

В первой половине 90-х гг. превалировало мнение, что генеральное направление движения центрально-азиатских стран задано в рамках универсальной для постсоветского пространства системе координат, оси которой образованы переходом от командно-мобилизационной экономики к рынку и утверждением современной политической демократии. Быстро выяснилось, однако, что действительная система координат, в жестких рамках которых развивается постсоветская Центральная Азия, детерминирована такими процессами, как экономическая деградация, обвальное снижение уровня жизни, демонтаж социальной сферы и т. п.

Основой шоковой демодернизации в регионе стали беспрецедентный обвал экономической активности и/или резкое сокращение притока ресурсов извне. Ретроспективно предельно очевидно, что на протяжении XX в. определенный экономический и социальный прогресс Средней Азии и Казахстана (правда в искаженных и тупиковых формах) стал возможным исключительно благодаря тотально нерыночному характеру советской экономики. В течение десятилетий в регион закачивались ресурсы, что, в конечном счете, и позволило бывшим среднеазиатским республикам и Казахстану выйти на более высокий уровень экономического и социального развития. Переход к рыночной экономике мгновенно остановил ресурсный поток извне. При этом очевидно также, что даже при максимально благоприятном развитии событий ни одно из центральноазиатских государств не сможет в ближайшие годы компенсировать потерю тех преимуществ, которыми они располагали во внерыночной советской системе разделения труда.

По уровню развития Кыргызстан и Таджикистан опустились в группу беднейших стран мира. За ними следует Узбекистан, и только Казахстан и Туркменистан, скорее всего, закрепятся в нижней части среднего эшелона мирового развития. В Кыргызстане и Таджикистане современная обрабатывающая промышленность практически прекратила свое существование. В Казахстане вклад машиностроения и металлообработки в производство валового внутреннего продукта вряд ли превышает 1-2%. Узбекская обрабатывающая промышленность жизнеспособна лишь в рамках квазисоветской системы хозяйствования.

Растущая дистанционированность государств региона друг от друга по уровню развития, типу проводимой экономической политики, способности адаптироваться к императивам глобализации подчеркивает условность рассмотрения Центральной Азии в качестве некоей общности. Для интеграции в регионе отсутствуют объективные основания.

Со второй половины 90-х гг. все пять стран демонстрируют положительные темпы роста. Однако в Кыргызстане восстановление положительной экономической динамики не придало экономике мощного импульса, а в Таджикистане установившиеся темпы роста недостаточны для того, чтобы выбраться из ямы спада в ближайшие десятилетия. В Узбекистане сокращение производства не было обвальным, как у соседей, а положительные темпы роста восстановлены уже к 1995 г. Однако все эти годы здесь с некоторыми модификациями воспроизводится советская экономическая система, которую в среднесрочной перспективе ожидает неминуемый крах.

После переориентации всех сколько-нибудь жизнеспособных центральноазиатских производств на экспортный спрос, экономическая динамика в регионе (до некоторой степени исключением в этом плане является Узбекистан) всецело определяется ситуацией на мировых рынках углеводородного сырья, металлов и хлопка. С учетом критической зависимости малых, открытых, сырьевых экономик от экспорта, все государства региона без исключения незащитны перед внешними шоками. Дополнительную уязвимость местным экономикам придает растущая зависимость инвестиционного процесса от притока иностранных инвестиций.

К тому же все они, но особенно кыргызская и таджикская, перегружены внешней задолженностью, а Кыргызстан вдобавок отличается острой несбалансированностью текущего счета платежного баланса.

Какие-либо серьезные внутренние потенции для развития в самой Центральной Азии отсутствуют. Причем безрадостная макроэкономическая ситуация усугубляется географической замкнутостью региона и его удаленностью от основных развитых центров современного мира.

Определяющее влияние на экономическую динамику всех пяти стран оказывает не специфика и инструментарий проводимой экономической политики, а структурные факторы. Траектория роста, как и его динамика, формируется на стыке глобализации и структурных, и институциональных особенностей местных обществ. При этом глобализации принадлежит решающая роль. Она втягивает постсоветские страны в орбиту своего влияния даже помимо их желания. Она же формирует структуру местных экономик и особенно структуру их взаимодействия с мировой экономикой.

В ближайшие годы, при условии сохранения в основных странах региона социально-политической стабильности, а также благоприятной конъюнктуры на мировом рынке нефти, Казахстан, по-видимому, еще больше оторвется от соседей по уровню развития. Произойдет это исключительно благодаря сравнительно богатым запасам нефти, что позволило привлечь в казахскую экономику иностранный капитал. В случае стабилизации и тем более наращивания экспорта природного газа, Туркменистан также быстро и легко станет лидером Центральноазиатского региона по уровню экономического развития.

На другом полюсе - Кыргызстан и Таджикистан. Экономики этих стран практически не востребованы глобализацией. Экономический рост блокирован острейшим дефицитом внутренних сбережений и инвестиций. Пополнив группу экономических маргиналов современного мира, оба государства более успешно - если здесь вообще уместно такое слово - встроились в теневую глобальную экономику. Интеграция в мировой наркорынок, которому в принципе чужды и "национальное государство", и "национальная экономика", дополнительно затрудняет формирование нормальных (конвенциональных) государственных и экономических структур и институтов.

В сложном положении находится Узбекистан. В 90-е гг. эта страна растранижила дефицитные инвестиционные ресурсы, конфискованные преимущественно из аграрного сектора, на неэффективные в экономическом смысле производственные и социальные программы.

Над сельским хозяйством, которое само перегружено многочисленными диспропорциями, были дополнительно надстроены неэффективные сектора обрабатывающей промышленности и сферы услуг.

В том случае, если Узбекистан решится на последовательную либерализацию обменного курса, ему предстоит пережить глубокий всеохватывающий производственный спад, сродни тому, через который уже прошли Казахстан и Кыргызстан. В том же случае, если он не пойдет на либерализацию, а такой вариант представляется нам более вероятным, здесь будет продолжен, хотя и в несколько модифицированном виде, прежний тупиковый путь. Такая ситуация будет сохраняться до тех пор, пока аграрный сектор в состоянии отдавать ресурсы другим секторам, сохраняя при этом некоторую воспроизводственную устойчивость. Какой-то период набирающая силу инволюция в узбекском сельском хозяйстве будет развиваться скрытно. Но рано или поздно она трансформируется в мощный социально-экономический шок, который сломает устоявшуюся инерцию.

При любом варианте развития событий экономика ресурсно относительно бедного и демографически быстро растущего Узбекистана будет ближе кыргызской и таджикской, чем казахской или туркменской.

В целом, несмотря на огромные экономические и социальные издержки, Казахстану успешнее в сравнении с другими центральноазиатскими странами удалось ответить на все три стоящих перед ними главных вызова: консолидация государственности и национальной экономики, рыночная трансформация и глобализация.

Кыргызстан, который проводил курс на рыночную трансформацию и встраивание в глобальную экономику даже более решительно и последовательно, оказался выброшен на обочину мирового развития. Проблема этой страны не в том, что унаследованная от СССР экономическая структура бесповоротно разрушена - после отказа России от выполнения донорских функций по отношению к другим республикам и массовой миграции нетитульного населения это разрушение было неизбежным. Дело в том, что Кыргызстану, по большому счету, нечего предложить мировому рынку.

Несколько иные проблемы у Узбекистана. Добившись поставленных целей в консолидации государственности и формировании национальной экономики, он не справился, точнее, отгородился от двух других вызовов - рыночной трансформации и глобализации. Если Уз-

бекистан начнет решать эти задачи, он неминуемо окажется в драматическом положении - и рыночная трансформация, и учет императивов глобальной экономики потребуют от него демонтировать практически всю промышленную и значительную часть аграрной и сервисной структуры, которые унаследованы от СССР, а также большинство тех производств, которые созданы в период независимости. При ограниченных природных ресурсах, избыточном относительного экономических возможностей страны населению и географической удаленности и изолированности от мирового рынка внутренняя и внешняя либерализация подтолкнут узбекскую экономику по кыргызскому треку.

Непростая экономическая ситуация в регионе накладывается на интенсивную демографическую динамику. В ближайшие полтора-два десятилетия темпы роста населения центральноазиатских стран, за исключением Казахстана, останутся на достаточно высоком уровне

Безостановочная работа демографической машины при отсутствии возможностей производительного трудоустройства рабочей силы в современном секторе оборачивается деформацией процессов в сфере занятости. Растущая масса рабочих рук все более концентрируется в сельском хозяйстве и городских услугах. Между тем оба сектора, особенно аграрный, и без того перегружены избыточной занятостью еще с 80-х гг. Стоит ли говорить, что во всех экономических секторах, как и в экономике в целом, резко снизилась производительность труда.

Негативное влияние демографического пресса не смогла смягчить даже интенсивная эмиграция. Более того, последняя сама является наглядным индикатором растущего социально-экономического неблагополучия.

Экономическая катастрофа привела к резкому обострению социальных проблем. Подавляющая масса населения региона погрузилась в абсолютную бедность. По очень приблизительным международным оценкам, относящимся к 1996-1997 гг., в бедности прозябает 86% населения Кыргызстана, 62% населения Казахстана, 57% - Туркменистана и 39% - Узбекистана¹. Относительно более благополучное положение в двух последних странах объясняется исключительно низким качеством исходной статистики. В Таджикистане в абсолютной бедности пребывает не менее 95% населения.

До 1997-1998 гг. бедные и беднейшие слои населения концентрировались преимущественно в сельской местности. Однако новые

серии девальвации национальных валют в 1998-2000 гг. значительно расширили и зону городской бедности.

Естественно, что бушующая в регионе социальная катастрофа - в открытой ли форме, как в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, или в латентной, - как в Узбекистане и Туркменистане, не может не оказывать давления на политический процесс. В политическую повестку дня во всех пяти странах, но особенно Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане, вошел политический ислам, спекулирующий на религиозных чувствах верующих.

Власти пытаются списать растущую активность "исламских фундаменталистов", или, используя распространенный на постсоветском пространстве жаргон, "ваххабитов", на внешнее влияние. Однако корни растущего мусульманского активизма в катастрофическом обнищании подавляющей массы населения, которое к тому же не имеет шансов улучшить условия своей жизни в ближайшие десятилетия.

Достаточно неоднозначные и чреватые серьезными социально-экономическими срывами в будущем процессы разворачиваются и в сфере функционирования политической власти. Под внешним демократическим фасадом в Центральной Азии созданы и продолжают укрепляться режимы личной власти. Даже в Казахстане и Кыргызстане, которые по региональным меркам ближе стандартному пониманию политической демократии, власть безраздельно монополизирована правящими господствующими группами.

Во всех постсоветских странах, и центральноазиатские государства в этом отношении не исключение, так и не удалось добиться разделения власти и собственности. Напротив, в ходе приватизационных кампаний перераспределение собственности и экономических активов произошло в пользу держателей политической власти. Не менее опасной является и тенденция к монополизации правящими группами средств массовой информации, включая электронные.

Конечно, "семейный капитализм" - почти универсальная отличительная черта развивающихся стран. В этом смысле центрально-азиатские страны вполне укладываются в "третьемирскую" парадигму развития. Однако из опыта тех же развивающихся стран хорошо известно, что подобные политико-экономические конструкции организации власти и собственности исторически недолговечны, а главное, не способны обеспечить длительность и преемственность исто-

рического процесса. Опыт «кронизма» Маркоса на Филиппинах или более свежий индонезийский пример "семейного капитализма" Сухарто в Индонезии однозначно говорят о том, что подобные политико-экономические режимы пагубно воздействуют на экономический рост и практически безальтернативно приводят экономику к стагнации. Рано или поздно эта стагнация приводит к социально-политическому взрыву.

Опасные тенденции набирают силу и в сфере безопасности. Главным вызовом для центральноазиатских стран становится растущая вовлеченность региона в глобальные сети производства и транспортировки наркотиков. Наркоглобализация значительно обгоняет становление конвенциональной экономической структуры и консолидацию государственности, включая государство как общественный институт.

Специализация региона на транспортировке, а в последнее время все более и на производстве наркотиков - феномен не локального или регионального, а глобального порядка. На территории центральноазиатских и сопредельных стран находятся лишь нижние этажи наркоэкономики - производство и транспортировка. Финансовые же потоки, как и рынок сбыта, концентрируются в офшорных зонах мировой банковской системы и главных центрах мировой экономики.

Имеются все основания полагать, что вторая декада независимого развития окажется для центральноазиатских стран не менее сложной, чем первая.

Примечание:

¹ World Economic Outlook. May 1998. P. 110.